

AB

Книги Анны Берсеневой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

●

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

●

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка. Маруся Климова

●

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

●

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

●

Странная Лиза
Портрет второй жены

●

Стильная жизнь
Двое в Барселоне

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька
Вангелия

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

Анна
Александровна
Берсенева

вокзал
Виктория

роман

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии
П. Петрова

Берсенева, Анна.

Б51 Вокзал Виктория : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-82030-6

Со сложностями можно справиться. А как справиться с обстоятельствами непреодолимыми? Именно в их тиски попадает Виктория. Жизнь, которую она с самого детства выстраивала напряжением всех своих сил, вдруг рушится, и не по ее вине. При этом у Вики зависимая профессия, ее сын вот-вот вступит в сложный переходный возраст, вдобавок ей некому помочь. И Виктория принимает неожиданное решение, которое полностью изменяет ее жизнь. Вознаградит ее судьба за такую решимость или, наоборот, сломает? Кажется, это решается не только в настоящем, но и в прошлом, о котором Виктория не подозревает...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82030-6

© Сотникова Т.А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ЧАСТЬ I

Глава 1

А приятно, когда в честь тебя что-нибудь назвали! Особенно что-нибудь такое основательное, как вокзал Виктория. И даже если ты точно знаешь, что назвали его вовсе не в честь тебя, то можешь на этот счет обманываться, и это будет не худший самообман в жизни человечества и в твоей собственной жизни.

Ступеньки вокзальной лестницы были, кажется, латунные, они тускло поблескивали под ногами, и понятно было, что люди, когда-то сделавшие такие ступеньки, считали свою жизнь не случайностью, а звеном в бесконечной цепи.

— Мам, смотри, какой чел!

Витьку, конечно, не могла заинтересовать такая ерунда, как ступеньки, будь они хоть из чистого золота. Он во все глаза смотрел на вокзального служащего.

Если бы не форменная одежда, Вика никогда в жизни не догадалась бы, что это служащий железной дороги.

— Я себе тоже такую штуку сделаю! — уверенно заявил Витька.

— Не глазей на человека, здесь это не принято.

Вика легонько подтолкнула его в спину и едва удержалась от того, чтобы взять за руку и утащить подальше. Хорошенькие идеи приходят ему в голову! Ей вовсе не хотелось, чтобы сын побрился налысо, оставил только полоску посередине головы, выкрасил эту полоску в ярко-алый цвет и соорудил из нее петушиный гребень. Именно так выглядел служащий железной дороги, на которого Витька озирался все время, пока поднимались по лестнице; чуть шею не свернул.

Чтобы ее ребенок украсился петушиным гребнем — эта идея Вике не понравилась. Но что с такой прической, доброжелательно улыбаясь, прекрасно себя чувствует средь бела дня человек в форме, — понравилось очень.

Даже огромный, подавляюще чужой вокзал Виктория показался ей после этого как-то уютнее. Она заметила, что и Витька приободрился тоже.

Если бы не он, Викина бодрость не продлилась бы долго. Купить билеты заранее через Интернет — на это она еще была способна. Но разобраться, что делать с этими билетами и куда идти в гигантском, шумном, людном пространстве лондонского вокзала, — это было уже выше ее способностей. По счастью, у Витьки все эти незнакомые объемы если и вызывали растерянность или даже опаску, то он скрывал это от себя и тем более от мамы.

— Нам вон туда.

Он махнул рукой направо, где, по Викиному представлению, был тупик, и вытянул ручку большого чемодана, намереваясь двинуться в этом направлении.

— Почему именно туда? — машинально спросила Вика.

Она привыкла следить, чтобы поступки сына были осмысленными, а не какими придется. Чтобы он жил не наобум святых, как школьная уборщица Глафира Фоминична говорила. Про святых Витька не думал, но склонность делать что в голову взбредет, без лишних размышлений, была ему присуща. Из-за такой особенности его характера Вика всегда дотошно выспрашивала, зачем да почему он поступает так, а не иначе.

Она вообще глаз с него не спускала и привыкла знать о каждом его шаге. Но об этом теперь лучше было не думать.

— Потому что оттуда наш автобус уходит, — объяснил Витька. — В прошлый раз мы же туда шли, не помнишь, что ли?

Ничего Вика из прошлого приезда не помнила. Она тогда была ошеломлена так, что ей было не до разглядывания вокзала Виктория.

Правда, в прошлый раз и Витька был растерян не меньше, а может, и побольше, чем она, и даже дом Шерлока Холмса, в который он так рвался, из растерянности и подавленности его тогда не вывел. Но вот запомнил же, где останавливается нужный автобус.

А она из первой поездки запомнила только свое смятение, больше ничего, и Лондон весь остался в тумане того смятения, поэтому теперь Вика увидела его как будто впервые.

Этот город был прекрасен.

Можно было, конечно, списать свое восхищение на то, что не так уж много она видела в своей жизни больших городов. Но Париж ведь видела, а значит, есть с чем сравнивать. Утонченное совершенство Парижа она не могла забыть и знала, что города более красивого ей не встретить никогда, и от Лондона ничего в этом смысле не ожидала.

И вдруг, глядя на Лондон из окна автобуса, поняла, что такое город. Не этот именно город, столица Великобритании, а город вообще — явление его в человеческой жизни. Наверное, Вика поняла это даже раньше, еще когда поднималась по латунным ступенькам вокзала Виктория. За сотни лет прошли по ним миллионы ног, так и было нужно, в том и состоял смысл этих ступенек. Сотни лет они выполняли свой долг и приобрели от этого значительность такую же очевидную, как тусклый и глубокий блеск латуни, из которой были сделаны.

И вереница домов вдоль улицы, и каждый кирпич их стен говорили безмолвно и прямо: мы появились потому, что люди решили жить вместе и выработали для себя правила, без которых их общая жизнь невозможна. Люди сделали это раз

и навсегда. И все мы: дома из потемневших кирпичей, просторные парки, красные телефонные будки — есть незыблемое свидетельство того, что правила, по которым люди однажды решили жить, пребудут вечно.

— А Петр Первый тоже в Оксфорде был, — глядя в окно, сказал Витька.

Вика вздрогнула. Меньше всего интересовал ее сейчас Петр Первый.

— Разве? — спросила она. — Я не знала.

— Точно был. Мы его по истории недавно проходили.

«Что ты теперь будешь проходить по истории? — подумала она, глядя на Витьку. — И причем к этой истории буду я, вся моя жизнь, наша с тобой жизнь?..»

От этой мысли ее охватил мгновенный ужас. Паническая атака — Вике уже и медицинский термин был известен.

Но не зря все, кто ее знал, говорили, что она умеет держать себя в руках. Другие от таких атак таблетки принимают...

«А что ты ему можешь предложить взамен? — сказал ей холодный голос. — Тысячу раз все обдумано — хватит».

Конечно, это был ее собственный внутренний голос, но прозвучал он отрезвляюще, будто со стороны.

— Мы, наверное, опоздали, — сказала Вика. — Рабочий день закончится, и нас не примут.

Самолет из Москвы прилетел в Гэтсвик, до вокзала Виктория из этого дальнего аэропорта пришлось ехать гораздо дольше, чем из Хитроу, зато перелет стоил в пять раз дешевле, и это не оставляло выбора. Во всяком случае, Вике.

— Думаешь, нас на улице оставят? — усмехнулся Витька. — Вряд ли. Мы же сообщили, что сегодня приедем. Значит, дождутся.

Прав ее сын, конечно. Они в разумном мире, здесь люди ведут себя человечно не только в силу личных душевных качеств, но и потому, что доброжелательность является частью общей разумности. И которое-нибудь из двух проявлений доброжелательности, личное или общее, работает обязательно.

Глава 2

Испытывать сотрудников школы на доброжелательность не пришлось. Когда Вика и Витька, запыхавшись от торопливой пробежки с чемоданами по Оксфорду, подошли к воротам, до окончания рабочего дня оставалось полчаса. И их действительно ожидали.

— Ну что, Вик, ты не все лето играл в стратегии? — спросил учитель, который беседовал с Витькой перед поступлением.

Тогда он обсудил с ним какую-то книжку, которой Вика даже в руках у ребенка не видала — потом выяснилось, что Витька читал ее в Интере-

те, — попросил решить пару задач и уравнений, поболтал еще о чем-то — она не поняла ни слова, — и в результате всего этого сказал Вике, что знания у парня приличные, английский неплохой, но вот только компьютерным играм он уделяет слишком много внимания, в этом его надо ограничивать.

«Я в этом ничего не понимаю, — чуть не сказала Вика. — То ли он играет, то ли полезное что-нибудь делает — как это узнать?»

Но вслух она этого тогда не произнесла: и позориться не хотелось, и не очень-то могла выразить свою мысль по-английски; собственно, тоже не хотелось позориться.

А учитель вызвал у нее тогда доверие, и она была рада, что именно он встретил их в первый школьный день. Он похож был на улыбчивого служащего с алым гребнем на вокзале Виктория, этот учитель, хотя прическа у него была самая обыкновенная.

— Виктория, я попрошу вас уехать сегодня.

Они переходили через дорогу — дома, в которых жили ученики, стояли на противоположной стороне от школы, — и в уличном шуме его голос прозвучал приглушенно.

— Что, простите? — переспросила Вика.

— Будет лучше, если Вик сразу погрузится в школьную жизнь. Вы можете навестить его через неделю. Но не будет правильно, если в эти первые дни вы станете приходить ежедневно.

Это помешает ему ощутить новое в своей жизни и понять, как соотносить это новое с прежним.

Она поняла сказанное не полностью, а лишь в самых общих чертах. Но и общих черт было достаточно.

— Но я... — растерянно проговорила Вика. — Я должна... билет. У меня обратный билет завтра... вечер. — Скучный английский усиливал ее растерянность еще и косноязычием. Обязательно начнет заниматься! — Я могу только завтра утром. Я не могу через неделю прилетать. Наверное, — зачем-то добавила она.

Ей было стыдно объяснять, что она вообще не знает, сможет ли навещать своего сына. У этого приятного человека, который доброжелательно смотрит на нее и говорит с вопросительной интонацией, чтобы ее не обидеть, — у него, может, обморок случится, узнай он, что мать не будет навещать своего ребенка, то есть непонятно, когда сможет навестить, но в ее положении это «непонятно когда» — просто малодушная маскировка реальности...

— В таком случае вы можете увидеться с Виком завтра после занятий.

Видимо, учитель счел за благо не спорить со странной женщиной.

Дом, в котором предстояло жить ее сыну, не был, конечно, похож на квартиру в привычном понимании, но и интернатом все же не казался. В первый приезд Витька, правда, был разочаро-

ван, когда убедился, что если старое здание школы с натяжкой можно считать Хогвардсом, то жилой дом совсем не похож на школу волшебников. Но Вика тогда сопрягла у себя в голове две фразы — что, снявши голову, по волосам не плачут и что пусть это будет самое большое разочарование в его жизни, — и сочла дом приемлемым.

Да и что здесь могло показаться ей неприемлемым? Большая столовая внизу — хоть и не старинная, но с такими же длинными столами, как в сказочной школе. Лестница на второй этаж, к спальням. И в столовой, и в спальнях чувствуешь себя так, что становится понятно значение слова «покойно». Воспитатели улыбчивые, и улыбки их не выглядят нарочитыми. Вот только то, что на тридцать мальчишек приходилось всего два воспитателя, мистер и миссис Питт, у которых к тому же имелось трое своих детей, и старшему из них было всего десять, — вызвало у нее некоторую опаску.

Но что с этим можно было поделать? Пойти в воспитательницы самой? Она бы пошла, да кто ее взял бы.

— Мальчики сейчас в школе, — сказал учитель. — Я подожду на улице. Миссис Питт поможет Вику разложить вещи, а потом я провожу его туда.

Миссис Питт улыбнулась. Витька поспешно кивнул. Слишком поспешно. И судорожно сглот-

нул при этом — Вика заметила, как дернулось его горло. Паника охватила ее снова, ударила мгновенно.

Взять Витьку за руку и уйти. И чемодан забрать, не надо раскладывать вещи. Поменять билет. То есть не поменять — просто взять второй билет, для Витьки. Это правильно. Сейчас она чувствует, что это правильно.

«Ты знала, что так будет. Твое решение не было спонтанным. То есть было, но оно правильное, и ты поняла это сразу, как только оно пришло тебе в голову. Оно единственное правильное из всех возможных. Да их просто и не было, возможных. Было только вот это, невозможное. Ты его приняла и осуществила. И то, что ты чувствуешь теперь, это всего лишь...»

— Не волнуйтесь. Вашему мальчику будет у нас хорошо.

В голове миссис Питт слышалось сочувствие. Но это и понятно: то, что испытывает мать, оставляя ребенка одного в чужой стране, вызывает у всякого нормального человека именно сочувствие, и миссис Питт не исключение.

— Меня зовут Мэри, — сказала она. — А мужа Джерри. Он сейчас повел дочку к стоматологу. Вы можете звонить нам в любое время. В России ведь теперь уже ночь? — с любопытством спросила она.

— Вечер, — ответила Вика. — Поздний вечер. Плюс четыре часа к вашему времени.

— Но разве должна быть такая большая разница? — удивилась Мэри. — Ведь Земля вращается иначе.

Вика и сама не понимала, почему нужно было установить московское время так, как взбрело в чью-то неумную голову. Но сейчас ей было не до того, чтобы обсуждать разницу во взглядах на вращение Земли в Англии и в России.

— Вы хотите еще раз посмотреть ванную? — спросила Мэри, когда Витькины вещи были сложены в тумбочку и одежда развешана в шкафу, где каждому мальчику было отведено свое отделение.

— Спасибо. Мы уже видели. Или там что-нибудь изменилось? — уточнила Вика.

— Ничего не изменилось, — улыбнулась Мэри.

Кто бы сомневался. Если в Оксфорде есть дома, которые не изменились за пятьсот лет, то что могло произойти за три месяца с ванной комнатой? Ну, плитку новую положили, может. И то вряд ли — прежняя была хороша.

— Дети сейчас в комнате для творчества, — сказал учитель, когда вещи были разложены и Вика с Витькой вышли к нему из дома.

Он деликатно отвернулся, чтобы не мешать ей проститься с сыном.

Паника у нее внутри стала такой сильной, что закружилась голова и в глазах потемнело.

— Пока, ма, — сказал Витька.